

Panfilov, Vladimir Zinov'jevič

Типы модальных значений и их роль в конституировании структуры предложения

In: *Otázky slovanské syntaxe. IV/2, Sborník sympozia Aktualizační (pragmatické) složky výpovědi v slovanských jazycích, Brno 6.-9. září 1976.* Grepl, Miroslav (editor). Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1980, pp. 9-15

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/121612>

Access Date: 01. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

III.

INTERNÍ PRAGMATIKA VÝPOVĚDI

MODIFIKACE SÉMANTICKÉHO KOMPONENTU Z HLEDISKA POSTOJŮ MLUVČÍHO

A.

MODALITNÍ POSTOJE

ВЛАДИМИР ЗИНОВЬЕВИЧ ПАНФИЛОВ (Москва)

ТИПЫ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ И ИХ РОЛЬ В КОНСТИТУИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

I

Структура суждения, выражаемая предложением, имеет два уровня. Один из них есть суждение как пропозициональная функция, выделяемое современной формальной логикой. Структуру суждения как пропозициональной функции образуют n -местный предикат и его аргументы. Она фиксируется во всех моделях предложения, служащих для выражения класса суждений отношений в целом (типа — *Москва южнее Ленинграда; Иван старше Петра* и т. п.), отображаемых логической формулой aRb . В большинстве языков широко представлены и являются наиболее частотными те модели предложения, которые выражают отношения актантов к действию, типа русских *Иван любит Марию, Иван берёт книгу* и т. п. В такого рода моделях предложения выражается одна из разновидностей суждения как пропозициональной функции, отражающей тот или иной характер объективных отношений между актантами и действием. Структуру суждения как пропозициональной функции могут образовать минимально два компонента, если предикат является одноместным, как, например, в случае *Иван идёт*, но, может быть, два, три или более компонентов, как, например, в случаях: *Иван положил книгу; Иван положил книгу на стол*, в первом из которых предикат *положил* имеет два аргумента (*Иван* и *книгу*), а во втором ещё третий аргумент (*на стол*). Второй уровень структуры суждения, выражаемого предложением, образует его субъектно-предикатная структура, бывшая предметом исследования традиционной формальной логикой (формула S есть P).

Субъектно-предикатную структуру образуют логический субъект как понятие о предмете и логический предикат как понятие о признаке (или признаках), присущих (или не присущих) этому предмету мысли, т. е. эта структура в отличие от предыдущей, если не рассматривать связку как самостоятельный компонент, всегда является двучленной.

Если суждение как пропозициональная функция отражает характер объективных связей того или иного явления действительности, то суждение как субъектно-предикатная структура обусловлено направленностью самого познавательного процесса. Это проявляется в том, какой именно из компонентов ситуации, на которую направлен познавательный акт, вы-

деляется в качестве предмета мысли, а какой — в качестве преддицируемого ему признака. Поскольку в познавательных актах, направленных на одну и ту же ситуацию, в качестве последних могут выделяться ее различные компоненты, то она (ситуация) может отражаться в суждениях, отличающихся друг от друга по своему субъектно-предикатному составу, как, например, в случаях: *Иван любит Марью; Марью любит — Иван* и т. п.

Таким образом, в суждении на уровне его субъектно-предикатной структуры отражается ход, направленность познавательного процесса, то есть его субъективная сторона.

II

Структура суждения как пропозициональной функции и его субъектно-предикатная структура получают свое формальное языковое выражение в структуре предложения; первая из них фиксируется синтаксическим членением предложения и, в частности, в его залоговых отношениях;¹ вторая из них фиксируется логико-грамматическим, или актуальным, членением предложения. При этом, если в русском и других славянских языках средствами логико-грамматического членения предложения является прежде всего логическое ударение, порядок слов и служебные слова с модальными и выделительными значениями, то во многих других языках наряду с последними используются специальные морфемы, присоединяемые к тому члену предложения, который выражает логический предикат, а в некоторых языках также к тому из них, который выражает логический субъект.² Поскольку и тот, и другой маркируются определенными грамматическими средствами, их можно именовать логико-грамматическими субъектом и предикатом.

Так как субъективная сторона познавательного акта, направленного на ту или иную ситуацию, связана с логико-грамматическим членением предложения, то и предложение как языковая единица получает свое завершение на этом уровне членения. В частности, предикативность как отнесенность сообщения к действительности, т. е. то, благодаря чему оно воспринимается как относительно законченный акт высказывания о действительности, является принадлежностью логико-грамматического, а не синтаксического уровня членения предложения.

III

Бесспорно модальными являются два типа значений: объективная (онтологическая) и субъективная (персуазивная) модальность. Первая из них отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связи возможные, действительные и необходимые. Вторая выражает оценку со стороны говорящего степени познания этих связей, т. е. она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию, и включает проблематическую, простую и категорическую достоверность.

¹ См. также: В. З. Панфилов, *Языковые универсалии и типология предложения*, Вопросы языкознания, 1974, № 5, стр. 8, 14—15.

² См. подробнее: В. З. Панфилов, *Взаимоотношение языка и мышления*. Москва, 1971, стр. 113—138.

IV

Объективная, или онтологическая модальность получает свое выражение на уровне синтаксического членения предложения. Ее языковыми показателями являются: 1. Наклонение глагола. Так, например, в русском языке действительная связь выражается изъявительным наклонением глагола, а сослагательным наклонением в предложениях типа *Если бы он пришел вчера, то мы бы успели закончить свою работу* выражается неосуществившаяся возможность, т. е. указывается на такую связь, которая могла бы быть при наличии определенных условий, на самом деле, однако, не имевших места. Есть языки (например, нивхский), в которых существуют особые формы условного наклонения глагола, указывающие на действие, совершение или несвершение которого является условием для осуществления или неосуществления другого действия, выраженного глаголом-сказуемым главного предложения; 2. Многочисленные так называемые модальные глаголы типа русских *мочь, должен* и т. п., а также слова, в большинстве своем обычно относимые к категории состояния, типа русских *действительно, возможно, необходимо* и т. п., как, например, в предложениях типа: *В твердом теле возможно распространение упругих волн; Он действительно образованный человек.*

Собственно грамматический характер выражение объективной модальности имеет лишь в формах наклонения глагола; модальные глаголы и слова типа *возможно*, выступая как полнозначные слова, являются компонентами конкретного содержания предложения наряду с другими полнозначными словами.

В пределах объективной модальности следует различать алетическую, или логическую, модальность и деонтическую, или нормативную, модальность. Различие между ними состоит в том, что в случае алетической модальности в предложении фиксируется возможность и необходимость с точки зрения реальных (физических) условий и состояний, как, например, в предложении *Любое тело, брошенное вверх со скоростью ниже первой космической, должно упасть на землю.* В случае же деонтической модальности в предложении выражается возможность и необходимость с точки зрения общественных норм, этических принципов и т. п., как, например, в предложениях: *Он должен (обязан) вмешаться в это дело; Поэтому можешь ты не быть, но гражданином быть обязан.* (Нерасов). Первый из этих двух видов объективной модальности изучался классической формальной логикой, выделявшей суждения ассерторические (суждения действительности), проблематические (суждения возможности) и аподиктические (суждения необходимости). Второй же из них исследуется в настоящее время в неклассической, деонтической логике. Последовательное разграничение этих двух видов объективной модальности, как мне кажется, весьма плодотворно и для лингвистики.

V

Субъективная (персуазивная) модальность выражается на уровне логико-грамматического членения предложения. Как я уже отмечал, логико-грамматический уровень обусловлен активностью познавательного про-

цесса, направленного на то или иное явление действительности. Этот субъективный момент в ходе любого познавательного акта, в частности, проявляется в том, что говорящий оценивает степень достоверности сформировавшегося у него высказывания о действительности. Эта оценка на уровне логико-грамматического членения получает формальное грамматическое выражение. В русском языке его средствами являются интонация и служебные слова с модальными значениями типа *может быть, вероятно, несомненно, конечно* и др. Такого рода модальными словами выражаются значения проблематичности и категоричности высказывания и в составе русского предложения интонационно, и, обычно, позиционно они тяготеют к тому члену предложения, который выражает логико-грамматический предикат. Так, сравни: *Отец, может быть, придет и Может быть, отец придет*. В языках иного типа, чем русский, как, например, в синтетическо-агглютинативных, в этих целях кроме модальных слов и частиц используются также специальные формы наклонения глагола. В нивхском языке, например, есть специальные формы проблематического и категорического наклонений. Так сравни: 1. *Ытык п'рыныд'увр йауало* „Отец, *может быть, придет*“; 2. *Ытыкувр йауало п'рыныд'* „*Может быть, отец придет*“; 3. *Ытык п'рыныуитлэ* „Отец, *конечно, придет*“; 4. *Ытык хауитлэ п'рыныд'* „*Конечно, отец придет*“.

Значение простой достоверности на уровне логико-грамматического членения предложения выражается формой изъявительного наклонения глагола, которая, следовательно, в случае совпадения синтаксического и логико-грамматического членения предложения наряду с этим выражает также одно из значений объективной модальности, а именно значение действительности.

VI

Как проблематическая, так и категорическая модальность может иметь несколько степеней. Так, в русском языке проблематическая достоверность имеет своего рода шкалу от наименьшей до наибольшей степени достоверности, крайние значения которой выражаются, например, модальными словами *мало вероятно* и *весьма вероятно* или *вполне вероятно*.

VII

Синтаксическое и логико-грамматическое членение предложения нередко не совпадают: логико-грамматический субъект может выражаться не подлежащим или группой подлежащего, а каким-либо другим членом предложения, а логико-грамматический предикат не сказуемым или группой сказуемого, а иным членом предложения. При этом обнаруживается весьма сложная картина соотношения объективной и субъективной модальности, функционирующих соответственно на синтаксическом и логико-грамматическом уровнях членения предложения. При одной и той же объективной модальности на синтаксическом уровне членения предложение может иметь различную субъективную модальность на уровне его логико-грамматического членения. Так, во втором из приведенных выше нивхских предложений, в котором логико-грамматический предикат вы-

ражается подлежащим, оно оформлено показателями проблематической модальности (частицей *увер* и служебным словом *йауало*), а глагол-сказуемое дается в изъявительном наклонении; в четвертом же предложении логико-грамматический предикат оформлен показателем категорической достоверности (после него ставится вспомогательный глагол *had'* 'быть' в категорическом наклонении), а глагол-сказуемое дается в том же изъявительном наклонении. То же самое наблюдается и в русском языке. Так, например, в предложениях: 1. *Если бы он пришел, я бы ему сказал*; 2. *Если бы он пришел, я бы, вероятно, ему сказал*; 3. *Если бы он пришел, я бы, конечно, ему сказал* при наличии объективной модальности неосуществившейся возможности на синтаксическом уровне во всех трех предложениях, субъективная модальность в каждом из них будет особой: в первом — простая достоверность, во втором — проблематическая, в третьем — категорическая.

Характер соотношения синтаксического и логико-грамматического членения предложения зависит от типологических особенностей языка. Этим определяется также и та роль, которую играют субъективная и объективная модальности в конституировании структуры предложения. В общей форме, по-видимому, будет справедливым положение о том, что в языках аналитическо-агглютинативных и синтетическо-агглютинативных субъективная модальность при своем выражении оказывает гораздо большее влияние на структуру предложения, чем в языках синтетическо-флективного типа. Так, например, в нивхском языке есть особые проблематическое и категорическое наклонения, в то время как в русском языке соответствующие значения выражаются модальными словами, которые не оказывают никакого влияния на характер (оформление) членов предложения. При несовпадении синтаксического и логико-грамматического членения предложения в нивхском языке показатели проблематической и категорической модальности отходят к тому члену предложения, который выражает логико-грамматический предикат, а глагол-сказуемое дается в изъявительном наклонении. В отличие от этого в русском языке глагольное сказуемое при изменении субъективной модальности предложения не претерпевает каких-либо изменений.

При изменении логико-грамматического членения предложения и субъективной модальности еще большую перестройку претерпевает предложение в языках аналитическо-агглютинирующего типа, как, например, в китайском. Иначе говоря, в языках различной типологии объективная и субъективная модальность, как и соответствующие уровни членения предложения, на которых они функционируют, оказывают различное влияние на конституирование структуры предложения.

VIII

Между значениями субъективной и объективной модальности и способами их языкового выражения не существует резкой грани. Суждения о различных, действительных и необходимых связях также могут фиксировать различные ступени человеческого познания одного и того же явления. Так, если до последнего времени мы могли высказывать о жизни на Марсе лишь суждение возможности (*Жизнь на Марсе возможна*), то не исключено,

что результатом последних исследований Марса будет уже суждение о действительных связях — *На Марсе есть жизнь*. Поэтому об одном и том же явлении действительности мы можем высказывать, например, как суждение возможности, так и проблематическое суждение. Так, сравни: *Жизнь на Марсе возможна* и *На Марсе, возможно, есть жизнь*.

Для выражения того и другого вида модальности нередко могут использоваться одни и те же языковые средства. Так, например, русское предложение *Отец может завтра прийти* в зависимости от контекста может означать: 1. *Отец в состоянии (имеет возможность) завтра прийти* и 2. *Отец, может быть, завтра придет*. Таким образом, это предложение может выражать и объективную модальность возможности, и субъективную модальность проблематичности. Очевидно, что взаимодействие субъективной и объективной модальности и способов их языкового выражения должно быть предметом специального исследования, поскольку этой проблеме до настоящего времени почти не уделялось никакого внимания.

IX

Помимо субъективной и объективной модальности к категории модальности нередко относят языковые значения самой различной природы, что в немалой степени связано с той весьма широкой трактовкой, которую она получила в работах В. В. Виноградова и его учеников. Так, к числу модальных значений относят: 1. значения, по которым дифференцируются различные виды коммуникации, т. е. сообщение, вопрос и побуждение; 2. утверждение и отрицание, по которым дифференцируются утвердительные и отрицательные предложения; 3. эмоциональное отношение говорящего к содержанию сообщения; 4. некоторые значения типа Aktionsart, как, например, представление признака как интенсивного или длящегося, и целый ряд других значений. При таком подходе категория модальности по существу превращается в своего рода „мусорную яму“, куда сваливают все те языковые явления, которые по тем или иным причинам не находят места среди других грамматических или лексико-грамматических категорий. Различная языковая сущность всех этих явлений совершенно очевидна и их невозможно охватить даже самыми широкими определениями категории модальности типа: „модальность выражает отношение содержания сообщения к действительности“ или „модальность выражает отношение говорящего к содержанию сообщения“. Так, например, под эти определения едва ли можно без большой натяжки подвести различные виды коммуникации, дифференцирующиеся по целевой установке говорящего или, например, объективную модальность. Ни одно из названных выше „модальных“ значений, по нашему мнению, не является таковым, хотя бы уже потому, что повествовательные и вопросительные, утвердительные и отрицательные предложения или предложения, в которых выражается различное эмоциональное отношение говорящего к содержанию сообщения, — все могут дифференцироваться по субъективной модальности, т. е. в каждом из этих типов предложения может выражаться простая, проблематическая и категорическая достоверность. Так, сравни: *Отец пришел; Отец, вероятно, пришел; Отец, конечно, пришел; Отец пришел? Отец, вероятно, пришел? Отец, конечно, пришел?* и т. д.

С логической точки зрения этот факт свидетельствует лишь о том, что субъективная модальность и те значения, по которым предложения дифференцируются в зависимости от целей коммуникации, относятся к разноплановым явлениям, выделяются на различных основаниях, и следовательно, не могут объединяться в пределах одной языковой категории. В противном случае нарушается одно из основных логических правил деления понятия, согласно которому оно должно производиться на одном и том же основании, полученные в результате этого частные понятия должны исключать друг друга и при этом делении должен быть исчерпан весь объем данного понятия.³

Иначе говоря, коммуникативная установка говорящего, его эмоциональное отношение к содержанию высказывания и субъективная модальность, хотя и могут быть все отнесены к актуализирующим компонентам высказывания, однако их языковая природа и их роль в конституировании структуры предложения настолько различна, что объединять их в пределах одной грамматической или лексико-грамматической категории модальности не представляется возможным.

³ См. также: В. З. Панфилов, *Взаимоотношение языка и мышления*, стр. 174 и сл.

